

**Из воспоминаний Нины Чепеловой жительницы
деревни Михайловск**

– Отца я своего почти не помню. Он ушел воевать еще на финскую (*советско-финская война 1939-1940 годов – прим. авт.*), мне тогда два года только было. Вернулся и сразу занялся перевозкой нашего дома. Тогда колхозы укрупняли, вот и нужно было наш дом перевозить.

Помню момент один. Нашла я гвоздик, подбегаю к папе и говорю: «Дядька, возьми». Забыла отца, пока он воевал на финской – думала, что это чужой. А он меня на руки поднял, прижал. Четырех лет мне тогда еще не было, а картина перед глазами как сейчас.

И помню, что он так старался, так спешил в доме все доделать. Будто чувствовал что-то. А уж перед самым началом войны (*Великой Отечественной – прим. авт.*) он сказал маме: «Проя, смотри детей. Если война будет, то с нее я уже не приду». Запомнила я это – его предчувствие. Оно, к сожалению, сбылось...

Ну, а когда началась война, страшно было. Немцы в деревню пришли. Вначале еще относительно спокойно было. Многого я не помню, вот только один момент врезался в память.

Нас же у мамы много было. Сестра Соня с 28-го года, братья старшие Ваня с Петей – с 31-го и с 34-го. Я с 37-го. А самый маленький, Степка, он перед войной родился – в 1940 году (он потом служил в Мурманске на подводной лодке).

И была у нас корова. Так вот помню, как нашу корову ранили в рог. Мама ею занимается, рог бинтует, а тут немцы в дом заходят. Мамочка мне Степку на коленки посадила, сидим тихонько.

Немцы – двое в доме, один – у калитки. Показывают, чтобы мама корову обратно в сарай загнала и надоила им молока.

Мама надоила им по котелку. Страшно было – целый дом детей.

Они взяли свои котелки с молоком, а один маме протягивает желтую коробочку небольшую с крышкой. А в ней скруток с деньгами. Мама испугалась,

говорит – нет-нет, не надо. Он говорит – бери. Потом, когда они ушли, мама сказала нам, чтобы мы никому не рассказывали, и этот скруток в печь бросила. А коробочка еще долго у нас в доме была. И какие-то ящики – их уже потом другие немцы для чего-то оставили...

Еще помню бомбежку. И как мы прятались – лежали тихонько в траве, не шевелясь. Как матери детей между бороздами прятали и пригоршнями нам воду приносили. И как бежали вдоль речки и кричали что-то друг другу, когда бомбардировщики на заправку улетали. А еще помню, как горела хатка, которую разбомбили.

Когда стихло все, мама сказала Соне, чтобы нас, младших, домой вела. И глядь – а Ваня с Петей (старшие братья) в лес убежали, партизан искать.

По Друти раньше же плоты гоняли. Там бревна остались. Вот братья по этим бревнам и рванули в лес. Помню, как мама плакала, голосила, искала их. Вернулись они потом к вечеру.

А потом снова бомбили. И мы тогда у соседей-стариков за банькой в бульбе прятались. Она у них осталась не вскопанная – вот в ней и прятались.

Помню, у соседей в дом попали. Загорелся он. А дед Артем Осипов говорит: «Чего лежите? Печь горит, а дом пока еще нет. Надо спасать что-нибудь» Побежал. Может, и вытащил что – не помню. Только нашел он шлем немецкий для летчика. Его внук – Женя – носил его потом зимой. Так потом, когда школа открылась, все дети Женьку за тот шлем Гитлером дразнили. И выбросил он потом его, а все равно дразнили.

Когда немцев выгнали, мы в Белевичах у дяди Романа в землянке жили. Он с партизанами был связан. И он, и сестра отца, тетя Сима – ее немцы убили... А дядя много чего делал – даже фашистов в плен брал и партизанам передавал в отряд Османа Касаева.

Ну, вот в землянке мы и жили. Кто снопок маме даст, кто еще что. Тяжело было. Дом уже позднее наш отстроили (он во время бомбежки тоже пострадал). Всем миром восстанавливали – братья хоть уже и постарше стали, а все равно еще помощь нужна была, все помогали, подсказывали.

...А с войны никто не пришел. Ни отец мой, ни братья его. Их пятеро было. И все погибли. Так мама одна нас и растила. Натерпелись мы... Помню, как не вскопанную осенью картошку по весне собирали. Как снежок растаял, и мы ее искали. Не могу забыть, как бегаю с корзиночкой по всему полю и ищу. Идет куча галок, и я бегу за ними – думаю, где галки, так и картошка будет. И мне крестный

тогда помог, говорит – иди, Нина, за мной, я тебе подскажу. За ним его дочка ходила, и я вместе с ней.

Помню еще, что спать хотели. Потом поняли, что это от голода...

А жизнь все равно свое брала. Росли, дружили. Вспоминаю, как к нам в деревню перебралась семья с двумя маленькими девочками в люльках. И так мне было интересно на те люльки посмотреть, на малышей – одна большенькая, другая – поменьше. Хотелось покачать их в люльках... Хотелось жизни, радости хоть малой.

Вот такие у меня воспоминания.